

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОИСК В.В. РОЗАНОВА

Пореформенная Россия выдвинула немало ярких личностей, стремившихся пересмотреть универсалии религии. Среди них заметная роль принадлежит В.В. Розанову, внесшему существенный вклад в развитие русской философии. Его творчество пришлось на переломные годы в жизни нашего Отечества, когда после отмены крепостного права наступил период дальнейших социальных потрясений. Страна приступила к решению сложной и трудной задачи по ликвидации феодальных перегородок и преобразованию социальных устоев жизни. Как и в наши дни, у тогдашней интеллигенции возникла насущная потребность обеспечить идеологическую составляющую происходящих в обществе экономических и политических процессов.

Общественное сознание России в тот исторический момент было разноликим. По крайней мере, в нем четко прослеживались три идейных течения. Первое было представлено православным клиром и его идеологами, которым принадлежали в духовной жизни общества господствующие позиции. Православие, как известно, исполняло роль государственной идеологии. Естественно, что его представители ратовали за сохранение существовавших веками социальных порядков, отстаивали незыблемость и вечность традиционных религиозных ценностей.

Иногда в нашей литературе относят к этому течению и славянофилов – А. Хомякова, братьев Киреевских, писателя Аксакова и других. В какой-то мере это действительно справедливо: они были ближе всего к богословской иерархии, так как не стремились к существенному изменению православной догматики и подчеркивали, что православные истины являются краеугольным камнем русской культуры. Однако это вовсе не означает, что они защищали внеисторический характер православия, его неизменность на протяжении столетий. На мой взгляд, такая трактовка их идей не совсем корректна. Ведь тот же А.С. Хомяков стал интерпретировать Бога как любовь, приземлив Творца с небес на грешную землю. Да и все это направление ратовало за превращение православия в чисто национальную религию; решало задачу укрепления этноконфессиональной общности как части национальной жизни и самосознания народа – непреходящих атрибутов буржуазного общества. Ортодоксальное православие, претендовавшее на вселенский, а не на национальный характер, подверглось в их трудах существенной деформации. Из всеохватывающей духовной силы оно

трансформировалось в один из компонентов национальной русской культуры. Поэтому, как нам представляется, будет точнее отнести этих мыслителей к правому крылу второго идейного реформаторского течения.

Второе течение, к которому принадлежал и В.В. Розанов, придерживалось той точки зрения, что в новом складывающемся укладе жизни религия как социальное образование должна быть сохранена. Выбрасывать ее на свалку истории – поступать опрометчиво и неразумно. Ведь религиозные образы являются важными регуляторами человеческого поведения, укоренившимися в сознании людей с глубокой древности. Важно понять истинную суть религии и определить то место, которое она должна занимать в духовной сфере нашей жизни.

Это течение не было однородным: существовали разные ветви, отличающиеся друг от друга по тому основанию, какие нововведения в православное вероисповедание они предлагали. Краткий, образный, но достаточно емкий по содержанию перечень всех его частей дает Л.Н. Толстой в своем дневнике от 4 ноября 1902 года. Он пишет: «Читая Мережковского об Эврипиде, я понял его христианство. Кому хочется христианство с патриотизмом (Победоносцев, славянофилы), кому с войной, кому с богатством, кому с женской похотью, и каждый по своим требованиям подстраивает себе свое христианство» [1, с. 63].

И, наконец, третье идейное течение русской философской мысли было представлено трудами революционеров-демократов и марксистов, выступавших с позиций воинствующего атеизма. Это направление предлагало вообще удалить из сознания русских людей религиозные истины; считало их лож-

ными и устаревшими. Взамен предлагалось возвысить роль науки и утвердить в обществе идеалы социальной справедливости.

Спор за место в общественном сознании между религией и наукой, предпочтение которой отдавали теоретики марксизма, переместился тогда в самый центр идеологического противостояния. Он стал тем оселком, по которому определялась позиция того или иного философа. Само по себе обращение к этой проблеме, по-видимому, общая закономерность духовного поиска в переломную эпоху перехода от Средневековья к Просвещению. Ее проявления наблюдаются как в Европе, так и в России. Решения этой проблемы предлагались различные, начиная от полного отвержения науки и кончая абсолютизацией научного знания. Либеральное направление, к которому принадлежал В.В. Розанов, как правило, выступало за симбиоз этих двух ипостасей духовной жизни при первенстве религиозных воззрений.

В Европе срединная точка зрения наиболее ярко представлена в сочинениях Ж.-Ж. Руссо, особенно в его «Рассуждении о науках и искусствах...», где проводится мысль об ограниченности науки при решении вечных вопросов человеческой жизни. Наш «русский Руссо» – В.В. Розанов подхватил эстафету французского философа. Он тоже убежден, что в регуляции повседневных поступков людей следует отдать пальму первенства не научным суждениям, а религиозным образам.

К этому выводу русский мыслитель приходит в результате длительных исканий по вопросам педагогики. Собственно, его становление как философа началось с решения этой важной проблемы. Он обращается к ней уже в первой крупной работе «О понимании». Правда, интересует российского любомудра здесь прежде всего роль науки и философии и разделение их пограничной областью – пониманием, тем не менее уже в этом сочинении намечаются подходы к установлению сфер влияния научных истин и религиозных суждений. Более полную картину мы находим в «Сумерках просвещения» и в некоторых других произведениях, посвященных функционированию образовательной системы. Поиск именно в этой части культуры имеет простое

объяснение. В.В. Розанов начинал свою трудовую жизнь педагогом. Поэтому в образовании философ знал вышеуказанную проблему не понаслышке, а изнутри, из собственного опыта. Высказанные им идеи чрезвычайно актуальны и в наши дни. В чем их суть?

Если в периоды Античности и Средневековья просвещение, замечает русский философ, характеризовалось тем, что во главу угла ставило внутренний мир человека, его духовность, то в нынешнюю эпоху господствовавшие прежде ориентиры существенно изменились. Произошла смена священных идеалов, возвеличивающих человеческую личность и зовущих ее к бессмертному, совершенному, абсолютному. Причем трансформация прежних идеалов начинается, согласно В.В. Розанову, еще в недрах Средневековья, с первых шагов зарождающейся науки. Начало проникновению науки в просвещение положили открытия Н. Коперника. С обнаружением истинного положения Земли по отношению к Солнцу и к окружающим его другим планетам «тяжелая, сумрачная мысль повисла над сознанием людей; это – мысль о ничтожестве человека, о незначительности всего, что он делает, о случайности слепых законов природы, которые вчера вызвали его к существованию в одном далеком уголке мира и завтра могут погубить снова» [2, с. 43].

Последующие изменения в просвещении, связанные с усилением роли науки, еще более усугубили положение обучающихся индивидуумов. Преобладание научного материала привело к тому, что уяснение и запоминание научных фактов и законов, нисколько не затрагивающих человеческую душу, превратилось в главное требование к обучающемуся, задействованному в педагогическом процессе. Царивший прежде естественный путь воспитания личности, в основании которого лежало непосредственное созерцание мира, делающее ее сопричастной с социокультурными условиями жизни и с природой, сменился искусственным путем, когда формирующемуся индивиду насильственно, под угрозой различных видов наказаний втолковываются научные данные.

В.В. Розанов считает, что увлечение просвещения научными фактами, формулами и законами вовсе не так безобидно, как это мо-

жет представляться на первый взгляд. Хотя, безусловно, научные знания современному человеку необходимы, поскольку он живет уже в новой исторической реальности, где без них просто не обойтись. Однако в этих знаниях, наряду с их бесспорной пользой для конкретного вида деятельности, подспудно содержится отрицательное воздействие на личность, которое в конечном итоге губит в ней творческие задатки и затрудняет умственное развитие. Содержание науки составляют факты, которые не имеют в себе прочной нити, чтобы быть связанными с внутренним миром индивида. Они для него нечто внешнее, не касающееся ни его совести, ни его веры. Воспитательное воздействие этих фактов чрезвычайно низко. Оно не изменяет самой души, не возвышает ее стремлений, не утончает ее требований, не делает ее более чуткой и отзывчивой. Накопление фактов в рассудке, безмерное расширение их объема за счет постоянного роста научных исследований приводит разум, обрабатывающий сведения рассудка к большой перегрузке: человек кроме фактов ничего не видит. Отсюда неизбежно следует ограниченность личности, ее неспособность к творчеству.

Образы же искусства и религии обладают качественно иными свойствами. В отличие от фактов науки они сложны, многозначны и воздействуют не столько на рассудок и волю, сколько на наш вкус и чувства. При их преобладании в образовании человеческий разум оказывается в более благоприятном положении. Он не так загружен, обладает большими степенями свободы и при освоении окружающего мира может обратить свои внутренние силы на продвижение в самых различных направлениях, способствуя тем самым раскрытию многообразных способностей индивидуума, в том числе и к творчеству.

Исходя из такого понимания роли науки и религии в формировании личности, русский мыслитель ратует за возвращение в школу религиозных образов. Однако, по его глубокому убеждению, в существующем виде они не могут выполнять свойственную им функцию. Догматика христианской религии должна быть преобразована. Особенно важно трансформирование для православного вероисповедания, в котором сильны неземные мотивы.

Православное учение до такой степени удалено от жизни, что не может привлекать молодежь и средние слои населения. Это религия для стариков и старушек, находящихся на пенсии. Столь непривлекательный облик православия – следствие его византийских корней. Сложившись на отмиравшей ветви христианства, которая не имела исторической перспективы и клонилась к упадку, православие чрезвычайно гипостазировало проблемы смерти, потустороннего. Действительная жизнь отодвинулась на задний план и стала трактоваться как нечто чуждое или второстепенное по сравнению с грядущим пребыванием в загробном мире. «Все построение христианской святости, – указывает В.В. Розанов, – приурочено к смерти. И святой затворник, спасающийся в пустыне, построит себе гроб, с любовью и без страха смотрит на него, на ночь в него ложится» [3, с. 424]. И церковь наша, продолжает философ есть церковь скорби, в которой белый цвет, цвет радости, представлен только по праздникам. А в будни все ее служители облачены в черное.

Чтобы решить проблему возвращения христианства к цвету радости жизни, по мнению В.В. Розанова, надо вернуть его к первоначальному виду, искаженному различными Ферапонтами. Но для этого необходимо найти ту основу, тот корень, из которого выросли христианские воззрения. В своей «Автобиографии» мыслитель указывает, что длительное время он придерживался взгляда, что высшим центром человеческой жизни является идея счастья, к которой должен стремиться каждый индивидуум, и что именно в этом направлении следует вести реформаторский поиск. Однако после долгих раздумий пришел к выводу, что это «придуманная идея, созданная человеком, но не открытая им, есть только последнее обобщение целей, какие ставил перед собою человек в истории, но не есть цель, вложенная в него природою» [4, с. 90].

Естественное основание человеческого бытия, из которого вытекают христианские истины, философ находит в половом общении людей. Как раз здесь в актах зачатия и рождения младенца происходит первая встреча человека с Всевышним, здесь содержится тайна создания человека Богом и коренится челове-

ческое бессмертие. Богословию необходимо осознать, что «смерть есть не смерть *окончательно*, а только способ *обновления*, ведь в детях в точности я живу, в них *живет моя кровь и тело*, а следовательно, буквально я не умираю *вовсе*, а умирает только мое *сегодняшнее* имя. Тело же и кровь *продолжают жить*; и в их детях – снова, и затем опять в детях – и вечно» [5, с. 59].

Так категории «пол», «половая любовь», «гендерные и семейные отношения» появились в фокусе внимания русского философа. Он превращает их в некий метафизический абсолют, который требует не порицания и отвержения, а безусловного освящения. Повышенный интерес к этим вопросам отчасти объясняется его жизненными личными коллизиями. После весьма неудачного первого брака В.В. Розанов вступил во второй, но православная церковь жестко воспрепятствовала регистрации его отношений с новой женой. Философ глубоко переживал по поводу этого церковного запрета и неоднократно сетовал на бездушные и черствость православных чиновников, не хотевших войти в его положение. Случившийся эпизод, несомненно, способствовал его новому взгляду на проблематику семьи и пола. Но не более. Мне представляется ошибочным утверждение одного из исследователей творчества В.В. Розанова, что именно вследствие житейской семейной проблемы русский мыслитель «стал искать разрешения своего недоумения в книгах Священного Писания, сделался исследователем Ветхого и Нового Заветов, культур семитского Востока и Египта, в которых нашел особенно развитые формы института семьи» [6, с. 23]. Главные причины специфической направленности розановского поиска лежат глубже – в исторических потребностях трансформации православной церкви.

Через категорию «пол» русский философ стремится объяснить существующий облик православного вероисповедания. Пол, по его мнению, имеет восходящую и нисходящую ветви. Православной версии христианства свойственно состояние нулевого пола. «Как только в половом месте вы поставили *значущую величину*, – подчеркивает мыслитель, – все равно *единицу* или *дробь*, поставили *что-нибудь*, – вы отвергли, ниспровергли Еван-

гелие и христианизм. Самая его суть и есть $+ - 0$ пола» [5, с. 46].

Из нулевой характеристики пола проистекает негативное отношение нашей церкви ко всему, что связано с ним, к любви, земным радостям; возвеличивается ориентация на смерть и загробную жизнь. Церковь упорно отстаивает бессемянное зачатие Спасителя; настаивает на том, что Божья Матерь была монахиней, что у нее не могло быть детей и Иисус Христос всего лишь единственный ее ребенок, причем зачатый сверхъестественным образом. В церковном описании, замечает философ, И. Христос «сам был *бессеменен*: это-то и есть новое и оригинальное, почему Его и нарекли «сыном Божиим», «богочеловеком», и приняли, и поклонились Ему – как *таковому именно*. Как только в образ Его, в Лик Его вы внесете семенность, семе-несение; так вы и разрушили, раскололи, уничтожили этот Лик» [5, с. 47].

Чтобы подкрепить свои взгляды на православные догмы еще более убедительными аргументами, В.В. Розанов обращается к исследованию библейских текстов и связанных с ними исторических документов о бытии в Древнем Египте, Израиле и Греции. Анализируя эти разнообразие свидетельства, философ приходит к выводу, что Священное Писание отчетливо распадается на две правды, прямо противоположные друг другу. В Ветхом Завете Бог неоднократно сообщает, что Он приветствует обычную земную любовь. Творец посылает бездетным в старости младенца, говорит Давиду: «от плода чрева твоего посажу на престоле твоем» [7], поднимает к небу в Песнях Песней Соломона любовные ласки и утехи. Любовь мужчины и женщины предстает в этой части Библии как дар Божьего внимания и благодати. Да и в целом Ветхий Завет направляет верующего в сторону насыщенной и полной земной жизни. В нем постоянно звучат призывы к возрождению, к слиянию человека с земными ценностями.

Совершенно другая ситуация характерна для Нового Завета. Конечно, и в нем, отмечает русский философ, встречаются радости. Среди них на первом месте находится молитва, составляющая душу православия. На втором – богослужение, вызывающее у верующего возвышенное и умиротворяющее на-

строение. Позитивен и институт Церкви, ведущий подобную деятельность. Однако все эти радости являются схематичными, скорее небесными, чем обычными, земными. Они лишь прикладываются к нашей повседневной жизни. «В том и дело, – пишет В.В. Розанов, – что Евангелие действительно не *земная* книга, и все земное в высшей степени трудно связуемо или вовсе не связуемо с ним в один узел; не связуемо иначе, как искусственно и временно» [8, с. 562].

Если следовать Новому Завету, то окажется, что Иисус Христос вовсе не является сподвижником Бога и глашатаем Божьих заповедей. Он – разрушитель замыслов Творца мира. Под сомнение попадает и его божественная природа. Спаситель в этом случае уже не может быть эманацией Бога, как объявлялось в богословских текстах. Нельзя слушать первоапостолов, которые уверяют нас, что как Бог, так и его Сын есть единая сущность, один и тот же трансцендентный феномен, существующий в трех лицах. «Ты один прекрасен, Господи Иисусе!» И похулил мир, – пишет В.В. Розанов, – красотой Своею. А ведь мир-то Божий!

Зачем же Ты сказал: «я и Отец – одно»? Вы не только «одно», а ты – идешь на Него. И сделал что Сатурн с Ураном.

Ты оскотил Его. И только чтобы оскотить – и пришел» [9, с. 30]. Короче говоря, принятие евангельских откровений только подрывает достоверность Ветхого Завета.

Но ведь такого не бывает, подчеркивает русский мыслитель, чтобы Богово вдруг перестало быть Боговым, чтобы то, что считалось обязательным и возвышенным, вдруг, по мановению руки, превратилось в неважное и греховное. Божественные исти-

ны не могут быть одними в первом тысячелетии, другими – во втором тысячелетии, третьими – в третьем. Они абсолютны и непререкаемы на протяжении столетий. Нам следует устранить возникшие противоречия. Концептуально мы должны рассматривать Священное Писание как единое целое, свободное от каких бы то ни было двусмысленностей. Главным приоритетом православия должно стать жизнеутверждающее достоинство земной личности, а не ее загробное существование в потустороннем мире.

Со всей силой и страстной горячностью В.В. Розанов взывает к своим современникам: «Религия должна все обнимать, она *universus* духовный, ибо ведь она относится к Богу, Зиждителю *Universus*, а вещественного, видимого... а то что *всего* не обнимает, и *не есть религия*, а только... пластика и поэзия около чего-то, чего – *нет*» [10, с. 171]. А в нашем православии, удрученно констатирует философ, ничего не говорится о труде, о человеческом разуме, о предприимчивости, смелости, мужестве, земной любви. Вывод напрашивается однозначный: если православная церковь и дальше будет упорствовать и придерживаться прежних догм, то это неизбежно приведет ее к гибели. Как раз об этом свидетельствует апокалипсис, развернувшийся в Советской России и поглотивший монархию, сословия, русскую церковь. Так пишет российский мыслитель в 1918 году в своей последней книге. «Апокалипсис, – подчеркивает он, – изрекает как бы правду Вселенной, правду *целого* – вопреки *узенькой* «евангельской правде», которая странным образом сводится не к богатству, радости и полноте мира, а к точке, молчанию и небытию скопчества» [9, с. 24].

Список использованной литературы:

1. Толстой Л.Н. Философский дневник. М.: Изд-во «Известия», 2003.
2. Розанов В.В. Место христианства в истории // Розанов В.В. Сочинения. В 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1.
3. Розанов В.В. Святость и смерть // Розанов В.В. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
4. Розанов В.В. Автобиография // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990.
5. Розанов В.В. Третий пол // Розанов В.В. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1990.
6. Сукач В.Г. Загадка личности Розанова // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990.
7. Пс. 131:11.
8. Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // Розанов В.В. Сочинения. В 2-х т.1.М.:Правда, 1990.
9. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 1990.
10. Розанов В.В. Среди художников. СПб., 1914.

Статья рекомендована к публикации 28.10.2006